

Послание через четыреста лет

ПРОГУЛКИ ПО ЯРОСЛАВЛЮ

Многоопытный искусствовед и знаток ярославских древностей Татьяна Львовна Васильева называет церковь Спаса на Городу храмом-загадкой. Недавно она провела исследования, которые позволили разгадать одну из них.

В прошлом году произошло долгожданное событие: церковь вошла в федеральную программу «Культура России», на её реставрацию были выделены средства. Прежде чем укреплять фундаменты, проводить другие инженерные работы, сюда были приглашены реставраторы живописи. Союзные фрески, которыми расписана церковь, и без того внушало тревогу — боялись, что даже от перестука молотков они могут начать осыпаться.

Весь сезон бригада художников-реставраторов Евгения Александровича Чижова, специалиста номер один по этой части в Ярославле, вела профилактические и консервационные работы. Осторожно, миллиметр за миллиметром, реставраторы удаляли грязь, слегка расчищали и разными хитрыми способами укрепляли живопись. Много дней рядом с ними провела Татьяна Львовна, разглядывая и фотографируя проступавшие из-под пыли веков евангельские сюжеты, а ещё — буквенную надпись, длинную, протянувшуюся по трём стенам. Верилось и не верилось, что эту храмовую летопись, которой явно не одна тысяча лет, не описанную ещё ни одним из ярославских историков ни прошлыми, ни нынешними, наконец-то удастся прочитать. «Хотя в древности её чертенька знал едва ли не каждый прихожанин, потом всё вымылось», — уточняет она.

Татьяна могла показаться невольной. Славянская скоропись, почти ничего не видно. Словами в тексте утраты. Но благодаря тому, как реставраторы, вложив массу труда, фрагмент за фрагментом проявляют из-под поздних наслоений очертания букв, сказала им и Татьяна: «Хоть и очень трудно, но можно. Просто нужно время и терпение».

Дело двинулось. Читать, вскоре выяснилось, надо было не только, чтобы сохранить текст от взгляда. Если затер, даже с реставраторами восстановить букву или начертание её аналог в другой части текста и вставлять туда, куда просится. Терпение и выдержка оказались не напрасны. Общими усилиями текст удалось прочесть полностью. А это как подарок, как драгоценное зерно — имя человека, средства, чьим «тичанием» храм был расписан — им оказался ярославский посадский человек Иван Фёдорович Кемский.

В истории Ярославля этот человек уже оставил к тому времени след двумя, как сейчас бы сказали, благотворительными делами. В 1678 году он отпустил вволю своего крепостного человека Игнатиева. Событие, редкое для семнадцатого века, примечательно ещё и тем, что в этот период работавший здесь изограф Фёдор Фёдоров расписывал церкви Успенскую и Фёдоровскую, а также в росписи храма Претечи и, возможно, в росписи на Кемского большое, значимое человеческое влияние.

Именно после того, как Фёдор Игнатиев был отпущен, Иван Кемский, до тех пор не замеченный в благотворительности, построил на свои средства в Тверицах зимнюю каменную церковь Зосимы и Савватия. А по прошествии ещё трёх лет оплатил роспись храма Спаса на Городу, построенного двадцать один год назад и всё это время остававшегося не украшенным. А ещё через год дал деньги на строительство южного придела того же храма. Освящённый во имя Николая Чудотворца, покровителя странствующих, путешествующих и торговых людей, этот придел вместе с храмом Зосимы и Савватия Соловецкими, возможно, свидетельствует о том, что коммерческие интересы Ивана Кемского простирались далеко за пределы Ярославской земли. Впрочем, есть документальные свидетельства того, что в 1705 году во дворе Ивана Кемского жили работники из Москвы, присланные на Суконный двор, так что дела были у него, видимо, и в самом Ярославле.

Сопоставление фактов и дат иногда заставляет задумываться над тем, что раньше и в голову не приходило. Летопись, прочитанная на стенах храма, гласит, что церковь Спаса на Городу начали расписывать «стенным иконным письмом» 12 июня 1693 года. А из истории Ярославля известно, что в июне этого года город посетил царь Пётр. Если вспомнить, что Пётр родился 7 июня, то, может быть, все эти совпадения не случайны? Впрочем, наука признаёт только документальные свидетельства, а их нет. Так что пока перед вами всего лишь рассуждения журналиста. Хотя соблазн и дальше поразмыслить на эту тему очень велик.

Какой была тогда Россия? Царю исполнился 21 год. В восстановленном реставраторами и искусствоведом тексте говорится, что храм начали расписывать «при державе Государей наших» Иоанне Алексеевиче и Петре Алексеевиче. Пётр правит ещё вместе с несчастным своим братом Иваном, которому осталось жить три года. Упоминаются ещё не названные по имени «благоверные царицы» и «благородные царевны», одна из которых, судя по всему, — Софья, свергнутая и постриженная в монахиню четыре года назад. Не забыт и «благородный Государь и наш царевич и Великий Князь Алексей Петрович», пусть тому всего три года от роду.

За строками текста встаёт само время, некоторые подробности которого даже специалистам до сих пор не понятны. Перечислив царей, цариц, царевича и царевен, при чём правлении была расписана церковь, автор этой «летописи на стене» называет и церковных иерархов. При этом святейший Адриан, «архиепископ Московский и всея России», назван к тому же «всех северных стран патриархом». С таким титулом Татьяна

фото Натальи БОГОДИННОЙ

Львовне Васильевой сталкиваться до сих пор не приходилось, и что он значит, предстоит ещё установить. Идёт работа над прочтением и расшифровкой ещё одной надписи в храме — текст связан с сюжетами росписей.

Монументальная живопись (фрески) — одна из главных достопримечательностей храма. Время сохранило почти все имена художников. Клеймо с перечислением имён ещё раньше прочитала ярославский искусствовед Татьяна Евгеньевна Казакевич. Теперь они уточнены. Несмотря на понесённые в тексте потери и сложности, аналогичные уже названным, установлено, что изографов было двадцать два — в основном опытные мастера, известные по незаурядным работам в Ярославле и за его пределами. Многие подолгу жили в Москве, выполняя царские заказы.

Старший из них, Лаврентий Севастьянов по прозвищу Башка — сын выдающегося ярославского первостатейного мастера Севастьяна Дмитриева, в течение сорока лет (!) выезжавшего на государевы работы в Оружейную палату Московского Кремля. Сам Лаврентий тоже работал «у стенного письма» во дворце. Изограф Фёдор Фёдоров, как и он, потомственный живописец, его отец участвовал в росписи Архангельского собора в Кремле, а он сам был одним из ведущих мастеров, расписывавших Введенский собор Толгского монастыря.

Хорошо знали в Москве кормового иконописца Василия Фёдоровича, он работал в Архангельском и Успенском соборах Московского Кремля, вместе с Симоном Ушаковым и другими писал иконы в Оружейной палате и во дворце.

Вот какие замечательные мастера расписывали нашу церковь Спас на Городу. Вместительный храм, алтари и паперты были в работе с 12 июня по 2 августа — всё было сделано меньше чем за два месяца!

К сожалению, сейчас состояние живописи плачевное. В конце XIX века некоторые композиции были частично прописаны поверх первоначальных. Драматична поздняя история храма. В 1918 году он был су-

щественно повреждён от артиллерийского обстрела. В акте, подписанном П. Д. Барановским, Н. Г. Первухиным, И. А. Тихомировым и другими специалистами, храм значится среди памятников, пострадавших особенно сильно. Немилостивы оказались к нему и дальнейшие годы. В 1929 году храм закрыли, и с тех пор он передавался в аренду различным организациям. Его использовали под склад Союзтекстильсоюза, Трикотаждетекстильсоюза, Яротрестрой, Управление трудовых резервов. Ещё на памяти нынешних поколений в нём был склад Яроблкниготорга. Арендаторы пробили в сводах дымоходы, устанавливали печи, растёсывали окна и двери, годами здесь протекала кровля, южный придел был приспособлен под жильё. Храм пошёл в результате невосполнимые утраты, особенно по части живописи — значительная часть росписей погибла.

Тем более важно сохранить то, что осталось. Реставрация, хочется верить, будет продолжена. А сейчас ещё об одной загадке этого храма — о его имени.

Татьяна Васильева обратила внимание на важное обстоятельство. Живописные сюжеты и только что расшифрованная «каменная летопись» косвенно подтверждают, что первоначально церковь была освящена во имя Животворящего Креста Господня. А когда и почему она стала храмом Спаса на Городу, неизвестно. Свою версию изложила Тамара Рутман в недавней вышедшей книге «Храмы и святыни Ярославля». А Татьяна Васильева вообще не касается этой темы в своём исследовании. Между тем в истории города есть любопытная и почти полностью забытая страница, которая может стать основой ещё одной версии.

В нескольких десятках метров от этой церкви расположен комплекс из трёх весьма заметных зданий. Они стоят вплотную друг к другу по улице Андропова и Революционной и представляют собой сегодня гарнизонный госпиталь, военную комендатуру и здание гимназии, где учился Н. А. Некрасов, принадлежащее сейчас тоже военному ведомству. Нас интересует та часть комп-

лекса, которая находится по улице Андропова.

По случаю приближающегося 1000-летия города фасады этих зданий недавно отреставрированы, чему предшествовали, как и положено, необходимые в таких случаях архивные и натурные исследования. Их проводила искусствовед Ирина Викторовна Черняева, она сделала ряд интересных находок, наша газета о них писала («Гарнизон без госпиталя?» «Северный край», 29 октября 2008 г.). Но об одной её находке в той статье тогда было упомянуто вскользь. Сейчас стоит остановиться на ней подробнее.

На стыке здания госпиталя и комендатуры хорошо видна узкая арочка. Это след места, ещё в начале 1900-х годов привлекавшего тысячи горожан. В ещё более давние времена здесь стояло здание богадельни с двумя половинами — мужской и женской. В 1788 году её сломали, после чего началось самое интересное. Настолько интересное, что даже такой знаток города, как И. А. Тихомиров, счёл необходимым рассказать об этом в своей книге («Ярославское Поволжье». Ярославль, типография В. В. Шпеер, 1909).

«На наружной стене мужской половины богадельни, над воротами был написан рукотворный образ Спасителя. Предание рассказывает, что когда при сломке богадельни каменщик, разбирая стену, ударил ломом в щеку Христа, из язвы показалась кровь, а ударивший упал замертво (по другим сведениям, у него отсохли руки). Это чудо, поразившее всех ужасным (так в тексте — Т. Е.), заставило оставить часть стены с образом неприкосновенной, и она целиком вошла в новое здание. С тех пор этот образ считается чуть ли не первой святыней в городе; перед ним день и ночь теплятся неугасимые лампы и множество свечей. Ни один почти ярославец не пройдёт мимо, не помолвившись, а многие, особенно женщины, нарочно приезжают поклониться святыне, почему видать около часовни, устроенной тут в 1843 году, а в 1880 году заново перестроенной по чертежу Поздеева, не-

сколько экипажей — вовсе не составляет редкости. Богомольцев же в часовне, особенно по утрам, то есть в деловую пору дня, всегда много, что в свою очередь влечёт и всегдашнее присутствие нищих».

Часовня Нерукотворного Спаса просуществовала до 1928 года. Во время её разборки ярославские реставраторы сняли со стены образ Спасителя, его дальнейшая судьба неизвестна.

Прошли годы, назначение комплекса зданий, выстроенных на этом месте, несколько раз менялось. В конце XIX века тут разместились казармы, названные, как пишет Тихомиров, «по соседней церкви Спас на Городу Спасскими».

А не могло ли быть так, что сама церковь была освящена в какой-то момент тоже в честь иконы Нерукотворного Спаса, так почитаемой в старом Ярославле? Документальных свидетельств нет, но может быть, найдутся когда-нибудь? Сколько всего забывается! Ведь даже о существовавшей здесь часовне, перестроенной уважаемым у нас архитектором Поздеевым, до самого последнего времени не знали и специалисты.

Татьяна ЕГОРОВА.